

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2023-4-138-146>

Частноправовые аспекты отношений в области спорта с иностранным элементом

М. А. Мохаммад Сарвар

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков
Института иностранных языков Российского университета дружбы народов
имени Патриса Лумумбы.

Адрес: ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»,
117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6.
E-mail: dorzhelod@mail.ru

Private Law Aspects of Relations in the Field of Sports with a Foreign Element

M. A. Mohammad Sarwar

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages
of the Institute of the Foreign Languages of RUDN University.

Address: Peoples' Friendship university of Russia,
6 Miklukho-Maklaya Street, Moscow, 117198, Russian Federation.
E-mail: dorzhelod@mail.ru

Аннотация

Характер отношений спортсменов (спортивных команд), спортивных агентов, клубов, спортивных клубов (спортивных федераций) основан на равноправии, свободе договора и автономии воли сторон, т. е. на отношениях, регулируемых нормами частного права. Эта сфера общественных отношений, как и любая другая, проходит начальный этап развития, для которого характерен правовой вакуум – отсутствие регулирующих ее норм права. Однако даже в этом случае она регулируется общими нормами частноправовых договоров, которые могут быть унифицированы (либо государством, либо одной из сторон общественных отношений). Кроме того, очевидно, что частноправовые договоры априори подчинены нормам действующего законодательства. Данная статья представляет собой попытку выявить основные проблемные вопросы правового регулирования отношений в области, регулируемой договорными нормами, с целью определения направления его развития.

Ключевые слова: право, спортивные агенты, футбол, спортивное право, частное право, *lex mercatoria*, спортивное гражданство, коллизионные нормы, теория «живого права».

Abstract

The nature of relations between athletes (sports teams), sports agents, clubs, sports clubs (sports federations) is based on equality, freedom of contract and autonomy of the will of the parties, i. e. on relations regulated by private law. This scope of public relations, like any other, is undergoing an initial stage of development, which is characterized by a legal vacuum – the absence of legal norms regulating it. However, even in this case, it is regulated by the general rules of private law contracts, which can be unified (either by the state or by one of the parties to public relations). In addition, it is obvious that private law contracts are a priori subject to the norms of current legislation. This article is an attempt to identify the main problematic issues of legal regulation of relations in the field regulated by contractual norms in order to determine the direction of its development.

Keywords: law, sports agents, football, sports law, private law, *lex mercatoria*, sports citizenship, conflict of laws rules, theory of “living law”.

Современное развитие коммерческих отношений в области спорта достигло уровня, на котором требуется переосмысление, а возможно, и перераспределение ролей его участников и сторон правоотношений. Если правовое регулирование отношений в сфере оборота и использова-

ния криптовалюты прошло этот путь за неполные 15 лет [10], то коммерческие отношения в области спорта развиваются уже около столетия.

На международном трансфертном рынке действуют десятки тысяч спортивных агентов. Фактически их полномочия ничем не ограничены.

Они могут выступать менеджерами своих спортсменов (спортивных команд), но также могут фактически управлять их активами (под прикрытием консультаций по вопросам управления), давать советы по вопросам оптимизации налогообложения их имущества, заниматься согласованием и подписанием договоров на право использования имиджа принципала, а также на продвижение образа спортсменов в СМИ и рекламе, подобно рекламным агентам. Важность их роли определяется количеством и разнообразием выполняемых ими задач. Именно агенты чаще всего принимают решения о заключении той или иной сделки. Регламентация данной деятельности существенно варьируется от одного правового порядка к другому. На международном уровне ФИФА, являясь негосударственной организацией, регламентирует деятельность агентов футболистов, которые должны соблюдать и выполнять требования норм, указаний и решений компетентных органов ФИФА, национальных футбольных федераций и законодательства государства основного места своей деятельности (*place of business*). К. И. Налетов справедливо сравнивает положения унифицированных международных обычаев коммерческого оборота с актами органов исполнительной власти – и те, и другие обладают большей гибкостью по сравнению соответственно с международными договорами и законами, для их разработчиков характерно обладание гораздо более объективной и конкретной информацией о процессах, происходящих в регулируемой сфере жизни общества [12].

На практике распространена работа футбольных агентов без лицензии, в частности, регламент Российского футбольного союза (далее – РФС) прямо предусматривает возможность выбора родственников или юристов¹ в качестве агентов. Эти лица не контролируются ни ФИФА, ни иной континентальной или национальной федерацией футбола. Запрет на заключение договоров с агентами, не имеющими «лицензии» РФС, не создает другим нелицензированным агентам непреодолимых препятствий в их деятельности – они могут передать полномочия по заключению договоров лицам, имеющим такую «лицензию», что, безусловно, поднимет статус

лицензированных агентов РФС, однако конечной цели не достигнет.

Принцип свободы договора – основной принцип гражданского законодательства – легализует «договоры об использовании имиджа игрока». Такие договоры часто применяются для прикрытия выплат денежных средств агентам за совершенно другие услуги.

Механическое распространение норм частного права на отношения спортивного агента и спортсмена оправдано лишь на первый взгляд. Усиление публично-правовых начал в регулировании отношений спортивных агентов и футболистов возможно следующими двумя путями: 1) реформирование норм гражданского законодательства, которое не является тождественным частному праву, так как, согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации (далее – ГК РФ), нормы договора сторон должны соответствовать нормам закона; 2) усиление административно-правового регулирования отношений в области спорта: введение санкций за нарушение норм законодательства о спорте.

С развитием общественных отношений их публично-правовое регулирование усиливается, расширяя свое действие *in rem*² и *in personam*³.

Международное публичное право также постепенно распространяет действие своих норм на отношения спортивных агентов и футболистов. Так, с 2013 г. по инициативе FATF (ФАТФ, группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег), проявлявшей повышенное внимание к операциям футбольных агентов и определяющей практически любую операцию с их участием как подозрительную, ФИФА прекратила действие международно-правового статуса футбольного агента – было отменено лицензирование ФИФА футбольных агентов, сами агенты были выведены из-под действия норм ФИФА, их правовой статус стал определяться нормами национальных правовых порядков. Национальные футбольные федерации получили полную свободу в принятии решения – отказываться от лицензирования агентов или оставить его в силе на национальном уровне.

Регламент ФИФА для агентов игроков дал им следующее определение: «физическое лицо,

¹ В качестве таковых понимаются лица, имеющие диплом юриста российского или зарубежного юридического вуза.

² Здесь: по сфере регулируемых общественных отношений (лат.).

³ Здесь: по кругу лиц (лат.).

налаживающее за вознаграждение взаимодействие игрока с клубом для переговоров по заключению или перезаключению трудового договора или между двумя клубами по заключению трансферного договора». Если строго придерживаться данного определения, то это приведет к тому, что деятельность спортивного агента ограничится посредническими услугами на рынке спортивных кадров. Между тем современные функции спортивного агента очевидно более широки.

Современная система взаимодействия спортивного агента и спортсмена предполагает несравнимо больший удельный вес «сопутствующих» услуг, спектр которых зависит от двух факторов: 1) потребностей клиента спортивного агента – спортсмена или спортивной организации и 2) степени и сферы востребованности имиджа спортсмена. В результате вся эта деятельность футбольного агента фактически выпадает из сферы правового регулирования.

Частноправовой характер регулирования отношений спортивных агентов, клубов и футболистов представляется очевидным. Однако относятся ли эти отношения к категории предпринимательских? От ответа на этот вопрос зависит дальнейшее развитие правового регулирования этих отношений. Следует согласиться с М. Г. Мехтиевым в том, что коммерциализация общественных отношений исключает (или, во всяком случае, серьезно ограничивает) государственное участие в них [11]. С точки зрения Н. В. Власовой, деятельность спортивного агента, осложненная иностранным элементом, подпадает под действие международного торгового права [4]. Д. В. Сараевым, напротив, отстаивается самостоятельная роль спортивного права [17]. Представлена в российской юридической науке и точка зрения о трудовом характере отношений спортивного агента и спортсмена [6]. Несмотря на постепенную глобализацию отношений, регулируемых нормами частного права, очевидно, что процесс глобализации собственно частного права происходит крайне медленно – ни о каком глобальном праве не может пока идти и речи [2]. В настоящее время можно говорить о его унификации и гармонизации на региональном, но не глобальном уровне [3]. Это усугубляется и такой характерной особенностью частного права, как его ригидность относительно изменившихся общественных отношений – политических, экономических, международных.

Между тем спорт (и в особенности футбол) является той областью общественных отношений, в которой процесс глобализации является всепроникающим и выражен наиболее ярко. Вряд ли кого-то удивит факт выступления иностранных граждан в спортивных соревнованиях в российских футбольных командах, что почти всегда сопряжено с постоянным проживанием на территории России (а то и получением гражданства Российской Федерации), заключением договоров по российскому праву (в том числе агентских). Возник даже термин «спортивное гражданство», имеющий своей первопричиной автономию спорта как внеполитического института общественной жизни [21].

Основой спортивного гражданства является автономия выбора спортсменом того, за сборную какого государства он будет выступать на международных соревнованиях¹. В современной практике распространены случаи манипулирования допуском спортсмена к соревнованиям, который обусловлен сменой им гражданства. Во всех этих случаях речь идет именно о спортивном (а не фактическом) гражданстве спортсмена. Но нельзя не учитывать и того, что спортсмен выступает не только за государство своего гражданства, но и за соответствующую спортивную федерацию по конкретному виду спорта. Это означает, что в спортивном гражданстве связь спортсмена и соответствующего государства все же присутствует, хотя и будучи опосредованной. Из этого следует, что теоретически спортивное гражданство не является автономным явлением и соответствует фактическому гражданству спортсмена.

Однако при смене фактического гражданства смена спортивного гражданства не происходит автоматически. Международные спортивные организации самостоятельно устанавливают ограничения смены спортивного гражданства вследствие изменения гражданства фактического.

Так, согласно статье 15 Правил применения Устава Международной федерации футбольных ассоциаций (FIFA), футболист, принявший участие в официальных соревнованиях за основную или молодежную сборную футбольной федерации государства своего гражданства, сохраняет спортивное гражданство этого государства и не

¹ Puerto Rico Amateur Baseball Federation v. USA Baseball, CAS 95/132, 15 March 1996.

может его изменить и выступать за сборные команды любой другой футбольной федерации.

А. В. Сердюков полагает, что «подобные жесткие правила определения и изменения спортивного гражданства противоречат международным представлениям о правах человека и механизмам их защиты» [18]. В обоснование указанного утверждения А. В. Сердюков ссылается на пункт 2 статьи 15 Всеобщей декларации прав человека, запрещающий произвольное лишение гражданства или права изменить его.

Однако следует обратить внимание на то, что процитированные выше Правила применения Устава ФИФА не запрещают смену фактического гражданства футболиста и не создают препятствий для него, а относятся как раз к спортивному гражданству, которое, как признает сам же А. В. Сердюков, «следует» гражданству фактическому. Однако, по мнению А. В. Сердюкова, понимание спортивного гражданства¹ как проявления фактического по неназванной А. В. Сердюковым причине означает, что положения руководящих документов некоторых международных федераций «однозначно идут вразрез» с пунктом 2 статьи 15 Всеобщей декларации прав человека. В данном утверждении А. В. Сердюков противоречит сам себе – логичнее было бы утверждать, что зависимость спортивного гражданства от фактического как раз сближает положения внутренних норм спортивных федераций и вышеназванного пункта Всеобщей декларации прав человека.

По непонятным причинам А. В. Сердюков считает спорной практику лимитирования числа спортсменов, приобретших гражданство путем натурализации. Напомним, что ряд конституционных норм государств американского континента и государств Прибалтики различают правовой статус гражданина, приобретшего гражданство путем натурализации, и гражданина, приобретшего гражданство по праву рождения (согласно *ius soli*² или *ius sanguinis*³ соответственно) [8]. Не осталась в стороне и Российская Федерация – правовой статус лиц, приобретших гражданство России по иным основаниям, нежели рождение, приобретает все больше различий [16].

¹ Примечательно, что А. В. Сердюков употребляет этот термин, заключая его в кавычки, – очевидно, осознавая фиктивность данного института.

² По праву крови (лат).

³ По праву почвы (лат).

Таким образом, налицо противоречие между глобальным по своей сути миром «сущего» и остающимся на национально-правовом уровне миром «должного». Преодоление этих противоречий осуществляется при помощи коллизионных норм, которые отвечают на вопрос о том, правопорядок какого государства подлежит применению в качестве инструмента регулирования тех или иных отношений.

Поскольку российское законодательство не содержит ограничений конституционного принципа по применению национального режима в отношении спортивных агентов, постольку иностранные спортивные агенты могут действовать на территории Российской Федерации без ограничений. Лишь в случае, если иностранное юридическое лицо намерено выступить в качестве иностранного инвестора на территории Российской Федерации (что явно не входит в сферу деятельности спортивных агентов), оно должно пройти процесс аккредитации представительства или филиала на территории России. Поскольку отношения спортивного агента и футболиста (спортивных клубов) регулируются нормами гражданско-правовых договоров, постольку нормы трудового законодательства не распространяются на их отношения.

В силу привязки личного закона спортсмена или агента – физического лица к закону страны гражданства (часть 1 статьи 1195 ГК РФ) или к месту жительства иностранным правом может определяться содержание правоспособности спортсмена или агента. Статья 1201 ГК РФ указывает, что право лица заниматься предпринимательской деятельностью определяется местом регистрации этого лица в качестве предпринимателя, при отсутствии такового – согласно закону страны основного места деятельности. Содержание правоспособности физического лица также определяется его личным законом (законом гражданства или законом страны постоянного проживания). Таким образом, иностранный спортивный агент, личный закон которого, а значит, и правоспособность определяются законом страны его гражданства (места жительства), а способность заниматься предпринимательской деятельностью – законом страны основного места деятельности, поставлен в преимущественные условия по сравнению с российским спортивным агентом, поскольку право страны гражданства, постоянного места жительства или основного

места деятельности может не предусматривать аккредитации спортивных агентов.

Постоянный характер проживания (резидентство, домицилий) на территории иностранного государства определяется на основании норм права этого государства. Что же касается основного места деятельности, то современная российская судебная практика понимает под ним место ведения экономической деятельности, откуда происходит управление делами спортивного агента¹. Практику судов иностранных государств по этому вопросу нельзя назвать однозначной [12].

Спортивный агент – юридическое лицо подчиняется в пределах действия личного статута праву страны учреждения. В частности, им определяется: 1) сделкоспособность юридического лица, 2) статус организации в качестве юридического лица, 3) внутрикорпоративные отношения и способность нести юридическую ответственность, равно как и 4) возможность субсидиарной ответственности учредителей (участников) по его обязательствам. Это представляется актуальным, учитывая специфические требования в правопорядках различных государств к спортивным агентам – юридическим лицам, которые зачастую являются некоммерческими организациями.

На практике при заключении, например, трансфертного контракта с иностранным элементом в дополнение к избранному применимому праву стороны закрепляют ссылку на правила регламентов международных и национальных спортивных федераций. Данная практика крайне спорна. Далеко не всеми специалистами и практикующими юристами разделяется мнение о возможности использовать *lex mercatoria* в качестве права, избранного сторонами, поскольку таковым, по их мнению, может быть только право конкретного государства [22]. Большинство российских специалистов придерживается такой точки зрения. Среди иностранных специалистов наиболее ярко это мнение отразил английский судья лорд Диплок в решении Палаты лордов по делу *Amin Rasheed Insurance Co v Yuval Insurance Co* (1983), указав следующее: «... контракты не существуют в правовом вакууме. Они

всего лишь клочки бумаги, лишённые всякой правовой силы, если они не заключены со ссылкой на какую-либо систему частного права, предписывающую принудительные средства, которые могут быть применены судом»². Иной позиции придерживается Н. А. Новикова, полагая, что *lex mercatoria* следует оставаться исключительно договорными условиями в рамках конкретных правоотношений [15]. На практике такие оговорки встречаются достаточно часто.

Международные частноправовые отношения в спорте полностью подпадают под регулирование в сфере международного частного права – принципы выбора применимого права сторонами договоров спортивных агентов, спортивных клубов и спортсменов ничем не отличаются от принципов, применимых к остальным частноправовым соглашениям.

Согласно части 3 статьи 1186 ГК РФ наличие норм материального права, установленных международным договором и применимых к соответствующей области регулируемых им общественных отношений, исключает определение на основании коллизионных норм. Эта норма подтверждает движение действующих правопорядков к глобальному праву.

Одно из классических определений права, принадлежащее перу представителей социологической школы права, придает характеристику права реальной практике, воплощенной в конкретных решениях в сфере предпринимательской деятельности и в других фактически сложившихся общественных отношениях (так называемая теория «живого права»). При этом одно из направлений данной теории, выраженное в трудах австрийского ученого Ойгена Эрлиха, придерживается теории множественности правовых систем, дополняющих пробелы в регулировании общественных отношений классическими инструментами права, которые исходят от государства. Развив тривиальную в целом мысль об общественном характере права, О. Эрлих не противопоставляет «живое право» праву, выраженному в нормативных актах, исходящих от государства. О. Эрлих с самого начала говорил о праве как о «едином механизме, характерном

¹ Пункт 33 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // «Российская газета». – № 154 от 17 июля 2019 г.

² Цит. по: Панасенко М. Возможность выбора ненационального права: *lex mercatoria* // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – URL: <https://evolutio.info/ru/journal-menu/2001-3/2001-3-panasenko>

для всех цивилизованных народов» [20]. В качестве источников «живого права» в материальном смысле этого слова О. Эрлих называл нормы «самодействующего порядка общества, вытекающие из организационных и уставных положений различных союзов, как признанных законом, так и игнорируемых и даже отрицаемых им» [1] (выражаясь языком современного международного права – «акторов»). Напротив, субъекты «живого права» суть индивиды, существующие исключительно в качестве членов бесчисленных союзов, в жизни которых они принимают участие.

Термин «международное спортивное право» используется в современной юридической литературе в двух значениях: как обозначение совокупности актов международного уровня, регулирующих международные отношения в области спорта (международные договоры, акты международных организаций, прежде всего МОК и МОТ), и как *lex sportiva*. Последняя является автономной правовой системой, основанной на: а) локальных нормативных актах национальных футбольных ассоциаций и б) нормах *lex mercatoria*, затрагивающих договорные отношения между футболистами и футбольными агентами (посредниками).

Международных договоров, регулирующих предметно агентские отношения, в спорте не существует. Рассматриваемая в данной статье Конвенция 1978 года о праве, применимом к агентским договорам, во-первых, является источником коллизивно-правовых норм, то есть не отвечает на правовые вопросы по существу, но лишь указывает на подлежащее применению право. Таким образом, эта категория отношений подпадает под действие множества международных договоров, регулирующих их попутно.

И. Б. Эйдельман указывает на применимость к ним Конвенции МОТ № 88 «Об организации службы занятости» 1948 г. и Конвенции МОТ № 181 «О частных агентствах занятости» 1997 г. [19]. Однако И. Б. Эйдельман, во-первых, игнорирует то, что деятельность агентств занятости, а тем более частных агентств занятости, если и подпадает под действие норм трудового права, то весьма фрагментарно, во-вторых, деятельность современных футбольных агентов отнюдь не ограничивается трудоустройством футболистов в футбольные клубы. Он указывает, что в предмет деятельности спортивного агента входят не только услуги по оформлению трудовых отношений клиента с потенциальными работода-

телями, но и так называемые переходы спортсмена из одного спортивного клуба в другой, представительские, консультационные, посреднические действия как юридического, так и фактического характера.

Согласно статье 4 Международной хартии физического воспитания и спорта¹, любое лицо, профессионально занятое в сфере спорта, должно обладать соответствующей подготовкой и иметь надлежащую квалификацию. Также квалификация требуется и в соответствии с положениями (статьей 9) Спортивной хартии Европы², в которой особо отмечается отсутствие различия между любительским и профессиональным спортом с международно-правовой точки зрения.

Отсутствие международного договора, регулирующего агентские отношения в спорте, переносит центр тяжести на нормы *lex sportiva* – кодифицированные нормы международных обычаев. По мнению автора данной статьи, к категории международных обычаев относятся и нератифицированные международные договоры, в том числе разработанная Международной торговой палатой Конвенция 1978 г. о праве, применимом к агентским договорам. Как и ФИФА, она является международной неправительственной организацией, т. е. субъектом частного права. В рамках данной организации были разработаны два документа: Руководство по составлению торговых агентских соглашений между сторонами, находящимися в разных государствах³, и Типовой коммерческий агентский контракт⁴. И. Б. Эйдельман возражает против применения Руководства по составлению торговых агентских соглашений между сторонами, находящимися в разных государствах, к отношениям агента и

¹ Международная хартия физического воспитания и спорта (принята в г. Париже 21 ноября 1978 г. на 20-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО) // Свод нормативных актов ЮНЕСКО. – М.: Международные отношения, 1991. – С. 186–190.

² Спортивная хартия Европы (принята на VII конференции министров по спорту государств Европы 14–15 мая 1992 г. на Родосе) // Международный журнал спортивной информации на русском языке. – 1996. – № 1-1.

³ Руководство Международной торговой палаты по составлению торговых агентских соглашений между сторонами, находящимися в разных странах, с изм. и доп. 1983 г. // Публикация Международной торговой палаты № 410. – 1983.

⁴ Типовой коммерческий агентский контракт Международной торговой палаты / пер. с англ. – Публикация Международной торговой палаты № 496. – М., 1996.

спортсмена ввиду того, что он применяется к отношениям в сфере торговли, что, по мнению И. Б. Эйдельмана, не может быть в полной мере применимо к агентской деятельности в спорте [19]. Также отрицают применимость к этим отношениям юридических характеристик «торговли» В. Д. Горлова [5] и Ю. В. Зайцев [7]. Соглашаясь с И. Б. Эйдельманом относительно ограниченной применимости норм данного Руководства к отношениям агента и спортсмена, автор данного исследования считает нужным уточнить, что основанием для такого вывода является не «торговый» характер регулируемых им отношений, но характеристика непосредственного предмета регулирования в качестве «товара».

Крупный специалист в области международного коммерческого арбитража С. В. Николюкин считает возможным применение данного Руководства к отношениям спортивного агента и спортсмена по аналогии [14]. Представляется, что точка зрения С. В. Николюкина имеет рациональное зерно. Во-первых, под «торговой деятельностью», очевидно, подразумеваются предпринимательская деятельность в широком смысле этого слова. Предпринимательский характер деятельности спортивного агента отрицать крайне сложно даже несмотря на то, что чаще всего его деятельность охватывает весьма широкий перечень услуг, предоставляемых спортсмену. Во-вторых, товаром в смысле положений Руководства по составлению торговых агентских соглашений между сторонами, находящимися в разных государствах, следует считать, разумеется, не самого спортсмена¹, но его услуги. Вряд ли можно отрицать исключительно коммерческий характер деятельности шоу-бизнеса, элементы которого в современном спорте (а тем более международном) очевидны. Терминологическое различие между оказанием услуг и куплей-продажей не столь критично для того, чтобы не видеть очевидной аналогии – российское законодательство о внешнеэкономической деятельности давно ввело в правовой оборот институты экспорта и импорта услуг. Таким образом, применение Руководства по составлению торговых агентских соглашений между сторонами, находящимися в разных государствах, к отношениям

агента и спортсмена по аналогии представляется автору данной работы возможным.

Проведенное в настоящей статье исследование позволило прийти к следующим выводам.

Автономия спортивного гражданства от фактического гражданства спортсмена является продуктом деятельности национальных футбольных ассоциаций и ФИФА, которые запрещают лицам, сменившим гражданство, участвовать в соревнованиях от имени государства, гражданство которого они приобрели в случае действия принципа «заигрывания».

При этом нельзя согласиться с тем, что такая практика нарушает принцип недопустимости произвольного лишения гражданства, установленный Всеобщей декларацией прав человека, поскольку указанная практика влияет на спортивное гражданство, но не на фактическое гражданство спортсмена как физического лица.

Вместе с тем несовпадение фактического гражданства и спортивного гражданства отражает главное противоречие права как социального явления – противоречие между «сущим» и «должным»: фактически сложившиеся отношения глобальны, тогда как интерес любого государства объективно состоит в том, чтобы регулировать эти отношения исключительно на национально-правовом уровне.

Иностранные спортивные агенты пользуются преимуществом перед российскими спортивными агентами – право страны гражданства, постоянного места жительства или основного места деятельности иностранного футбольного агента может не предусматривать аккредитации спортивных агентов, следовательно, иностранный футбольный агент обладает этим статусом *ipso facto*, т. е. в силу самого его существования, тогда как российский спортивный агент должен получать лицензию Российского футбольного союза (РФС), что априори ставит определенные категории иностранных футбольных агентов в преимущественное положение по сравнению с российским футбольным агентом.

На международном уровне «центр тяжести» правового регулирования приходится на нормы *lex sportiva* – нормы ФИФА, регулирующие правовой режим спортсменов и футбольных агентов и нормы права международных «торговых» обычаев, применимые к агентским договорам и регулирующие отношения сторон любых коммерческих договоров частноправовой природы независимо от их вида (Принципы международных коммер-

¹ Несмотря на это, широкое употребление в обиходе словосочетаний «продажа игрока» или «аренда игрока» не встречает сопротивления.

ческих договоров Международного института по унификации частного права УНИДРУА, Принципы европейского договорного права (PECL) и т. д.).

Посредническая деятельность в футболе приобрела с 2014 г. двойную юридическую природу – с одной стороны, особенности деятельности футбольных посредников определяются нормами национального законодательства государства в

зависимости от того, какое право подлежит применению в силу договора сторон, либо коллизионными нормами. С другой стороны, минимальные требования к футбольным агентам и правила их взаимодействия устанавливаются исключительно нормами обычного права – локальными нормативными актами футбольных ассоциаций национального уровня.

Список литературы

1. Антонов М. В. Ойген Эрлих: Живое право против правового плюрализма? // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2013. – № 1 (306). – С. 157–181.
2. Василькова С. В. Правовые аспекты обеспечения продовольственной безопасности в контексте национальной и экономической безопасности государства // Экономика. Право. Общество. – 2023. – Т. 8. – № 1 (33). – С. 120–125.
3. Василькова С. В. Стратегическое партнерство России и стран Центральной Азии в области энергетической политики и права // Ученые записки юридического факультета. – 2022. – № 4. – С. 13–19.
4. Власова Н. В. Коммерческие агентские контракты: рекомендательные акты МТП // Журнал российского права. – 2012. – № 2. – С. 116–126.
5. Горлова Д. В. Правовая природа перехода (трансфера) спортсмена-профессионала по футболу // Спорт: экономика, право, управление. – 2005. – № 4. – С. 18–23.
6. Гужов А. А. Профессиональные союзы в спорте: история и современность // Спорт: экономика, право, управление. – 2010. – № 4. – С. 26–29.
7. Зайцев Ю. В. Правовая природа переходов спортсменов // Спорт: экономика, право, управление. – 2009. – № 4. – С. 18–24.
8. Курбанов Р. А. Евразийское право. Теоретические основы: монография; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. — М. : Юнити-Дана, 2015.
9. Мехтиев М. Г. Международно-правовые механизмы преодоления дисбалансов в мировой финансовой системе // Экономика. Право. Общество. – 2021. – Т. 6. № 4 (28). – С. 43–56.
10. Мехтиев М. Г. Природа криптовалют и их правового регулирования: международно-правовой и сравнительно-правовой аспекты // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2023. – Т. 19. – № 3. – С. 31–42.
11. Мехтиев М. Г. Проблемы правового обеспечения продовольственной безопасности в условиях свободы ценообразования: международно-правовой аспект и конституционные гарантии // Ученые записки юридического факультета. – 2022. – № 4. – С. 40–46.
12. Налетов К. И. Гарантии как способ обеспечения исполнения обязательств в международном коммерческом обороте // Экономика. Право. Общество. – 2016. – № 4 (8). – С. 30–39.
13. Налетов К. И. Задачи современного международного права в условиях дезинтеграции мирового сообщества // Тенденции развития системы международных отношений и их влияние на управление национальной обороной Российской Федерации. – М. : Издательский дом «УМЦ», 2023.
14. Николюкин С. В. Агентские соглашения в предпринимательском обороте: национальное и международно-правовое регулирование // Законодательство и экономика. – 2011. – № 10. – С. 63–73.
15. Новикова Н. А. Lex mercatoria как источник международного частного права // Научный диалог. – 2013. – № 12 (24) : Общественные науки. – С. 59–63.
16. Право и экономическая деятельность (экономическое право) : учебник / Р. А. Курбанов, Ю. А. Крохина, Р. А. Гарагурбанлы [и др.] ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации; Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова. – М. : Проспект, 2023.
17. Сараев В. В. Отдельные вопросы правового регулирования коммерческой деятельности в профессиональном спорте // Спорт: экономика, право, управление. – 2010. – № 4. – С. 11–16.
18. Сердюков А. В. «Спортивное гражданство»: отражение классического правового института в спортивном праве // Актуальные проблемы российского права. – 2007. – № 2. – С. 52–59.

19. *Эйдельман И. Б.* Современные концепции нормативно-правового регулирования агентской деятельности в спорте // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2013. – № 11. – С. 124–131.

20. *Эрлих О.* Основоположение социологии права / пер. с нем. М. В. Антонова; под ред. В. Г. Графского, Ю.И. Гревцова. – СПб. : Университетский издательский консорциум, 2011.

21. *Beloff M., Kerr T., Demetriou M.* Sports Law. – Portland, Oregon, 2000.

22. *Goldman B.* The applicable law: general principles of law – Lex Mercatoria. – The Hague: Martinus Nijhoff Publishers, 1987.

23. *Lowenfeld A.* Lex mercatoria and Arbitration. New York, 1990.